

Он родился быть его тенью, жил ради того, чтобы защищать его. Его существование имело смысл лишь постольку, поскольку в нём нуждался хозяин.

Впервые Чэн Му увидел Шэнь И в саду клана Шэнь.

Тогда ему было всего пять лет, и он был таким тенью сухим и слабым, что казалось, будто первый же порыв ветра свалит его на землю.

Мужчины в чёрном бросили его на ступеньки усадьбы клана Шэнь. На нём были лишь лохмотья, а кожа, открытая посторонним взглядам, сплошь покрывал старые раны и грязь.

Ранневесенний ветер пробирал до костей. Чэн Му побелел от холода, сжавшись в комок и обхватив себя руками, изо всех сил стиснув зубы, чтобы не дрожать.

А напротив него стоял мальчик его же лет, казавшийся выходцем из какого-то совсем другого мира.

Молодой господин был одет в сшитую на заказ белую рубашку и чёрные шерстяные шорты, его кожаные туфли сияли чистотой, а безупречно уложенные тёмные волосы подчёркивали утончённое и холодное лицо. Он тихо стоял на самой верхней ступени, опуская взгляд на Чэн Му, и в его чистых глазах не было ни капли тепла.

— Это он? — Шэнь И слегка нахмурился и безэмоционально спросил у дворецкого.

— Да, молодой господин, — низко ответил тот. — Госпожа сказала, что вам необходим товарищ для игр.

— Товарищ для игр? — Шэнь И холодно изогнул губы, его голос прозвучал равнодушно. — По моему, он больше похож на бродячую собаку.

Чэн Му ничего не ответил и даже не опустил голову, чтобы избежать его взгляда.

Он не знал своего происхождения, помня лишь, что с самого детства обитал по тёмным углам: его били, ругали, швыряли из стороны в сторону, как мусор, пока в конце концов не привели в этот глубокий и мрачный особняк.

Клан Шэнь не был обычным богатым семейством — это был гигантский могущественный клан, контролировавший теневые силы.

На поверхности клан Шэнь являлся самым влиятельным родом в Наньчэне, обладающим колоссальной коммерческой империей и ослепительной славой; но в тени его щупальца тянулись к оружию, боеприпасам, подпольной торговле... и даже к решению вопросов жизни и

смерти.

Те, кто попадал в клан Шэнь, становились либо верными псами, либо мертвецами.

Чэн Му знал, что принадлежит к первому типу.

Шэнь И некоторое время пристально смотрел на него, затем внезапно сделал шаг вперёд и, глядя на него сверху вниз, произнёс:

— С сегодняшнего дня ты принадлежишь мне.

Чэн Му поднял голову и молча посмотрел на него.

— Но я не люблю хлопоты, — тихо проговорил Шэнь И. Он говорил медленно, но в его тоне звучала не терпящая возражений уверенность. — Я могу позволить тебе выжить, но условие одно — ты должен беспрекословно слушаться.

Детское лицо подростка выглядело утончённым в лучах солнца, однако в нём таилась острая, пронзительная угроза, словно сама безжалостность, способная распоряжаться чужими жизнями, была заложена в нём от рождения.

Именно в тот момент Чэн Му осознал своё истинное положение.

Он не был усыновлённым ребёнком — он был всего лишь прирученной собакой.

С пятилетнего возраста Чэн Му неотлучно находился рядом с Шэнь И.

Он никогда не смел и мечтать о каком-то высоком статусе, зная лишь одно: его предназначение заключалось в том, чтобы радовать молодого господина.

Когда ему исполнилось семь, выпал первый зимний снег.

Двор перед воротами большого особняка клана Шэнь был сплошь занесён снегом. Слуги уже расчистили главную дорогу, ведущую к основному зданию, и лишь в углу двора по-прежнему белели глубокие сугробы. Шэнь И в маленьких сапожках резвился в снегу, на его шее небрежно болтался белый шарф, а глаза сияли.

Чэн Му стоял в стороне. Он не смел подойти ближе; его обувь уже промокла от талого снега, но он продолжал стоять и смотреть.

— Чэн Му! — неожиданно окликнул его Шэнь И.

Чэн Му вздрогнул и тут же подбежал:

— Молодой господин.

Шэнь И нахмурился, глядя на его покрасневшие от холода руки, и в его голосе промелькнуло лёгкое брезгливое раздражение:

— Почему ты без перчаток?

Чэн Му опустил голову и тихо произнёс:

— ...У меня их нет.

— Какой же ты глупый. — Шэнь И повернулся, вытащил из кармана новенькую пару шерстяных перчаток и небрежно бросил их ему. — Держи, а то околеешь совсем.

Чэн Му ошеломлённо поймал их, сжал в ладонях и не спешил надевать.

Ему было жалко.

Когда ему исполнилось девять, Шэнь И упал.

В тот день Шэнь И оступился на лестнице и ободрал колено. Слуги тут же бросились к нему, чтобы помочь подняться, но Шэнь И не позволил. Нахмурившись, он перевёл взгляд на Чэн Му, стоявшего в отдалении.

— Подойди, — велел Шэнь И.

Чэн Му немедленно подбежал, присел перед ним на корточки и с тревожным выражением уставился на его рану.

— Болит? — спросил Чэн Му.

Шэнь И лениво хмыкнул:

— Ещё бы не больно.

Чэн Му поджал губы, после чего внезапно опустил голову и легонько подул на колено Шэнь И.

Шэнь И замер на секунду.

Чэн Му посмотрел на него и серьёзно произнёс:

— Я слышал от слуг, если подуть, то перестанет болеть.

Шэнь И ничего не ответил. Прошло несколько секунд, прежде чем уголки его губ тронула улыбка, словно он остался доволен.

— Мм, уже не болит, — он лениво прислонился к ступеням. — Но теперь ты должен нести меня на спине.

Чэн Му растерялся.

Шэнь И изогнул бровь и холодно хмыкнул:

— Что, не хочешь?

Чэн Му торопливо затряс головой, протянул свои тонкие руки, бережно придержал ноги Шэнь И и поднял его на спину.

Шэнь И уперся подбородком ему в плечо и усмехнулся:

— А ты и впрямь очень послушный.

Чэн Му молчал, а его уши покраснели.

В двенадцать лет у Шэнь И появились новые друзья.

Шэнь И завёл множество знакомств, в доме стали появляться другие дети, и Чэн Му всё реже и реже удавалось его видеть.

Он тихо стоял в стороне, наблюдая, как Шэнь И резвится, смеётся и играет с остальными молодыми господами и барышнями в игры, в которых сам Чэн Му никогда не участвовал.

В ту ночь Шэнь И вернулся в свою комнату. По идее, Чэн Му должен был ждать за дверью, но он не стал. Он не смел показывать никому свои чувства, поэтому мог лишь тихонько забиться в угол у лестницы, провожая глазами толпу вернувшихся с приёма гостей и ожидая появления Шэнь И.

Шэнь И весело улыбался и, казалось, вовсе не заметил отсутствия Чэн Му.

Чэн Му молча смотрел на него с одиноким выражением в глазах, сжимая в руке баночку с леденцами, которую украдкой стянул на кухне.

Он знал, что Шэнь И не любит слишком сладкое, но это была первая в его жизни попытка набраться храбрости и преподнести кому-то подарок собственными руками.

Увы, возможности так и не представилось.

Он был всего лишь тенью Шэнь И: когда Шэнь И он требовался — он обязан был появиться, когда в нём не нуждались — должен был исчезнуть.

Чэн Му опустил взгляд на зажатые в руке сладости, тихонько открутил крышку и в конце концов так и не отдал их, молча сунув обратно в карман.

В ту ночь в воздухе витал сладкий аромат карамели, но на душе у него было горько.

Впервые значение слова «укрощение» Чэн Му постиг в восьмилетнем возрасте Шэнь И.

К тому моменту они были знакомы уже год.

В заднем дворе старого особняка клана Шэнь располагалась просторная тренировочная площадка, предназначенная исключительно для обучения членов клана верховой езде, стрельбе и рукопашному бою.

В тот день отец привёл Шэнь И на ипподром, чтобы тот прошёл своё первое официальное занятие по верховой езде.

Чэн Му тихо стоял неподалёку.

Вообще-то ему не положено было здесь находиться, но Шэнь И бросил: Пусть идёт следом.

И тогда он встал за пределами тренировочного поля, словно привязанный пёс, молча ожидая приказа.

— Молодой господин, эту лошадь выбрали для вас: у неё покладистый норов, она отлично подойдёт для новичка. — Тренер подвёл гнедого жеребца, который смирно стоял на месте, а его чёрные блестящие глаза излучали мягкий свет.

Шэнь И равнодушно бросил взгляд на животное, и его голос прозвучал неторопливо:

— Слишком послушная.

Тренер на мгновение опешил:

— Молодой господин, эта лошадь...

Шэнь И нахмурился и нетерпеливо перебил его:

— Мне не нужны покорные твари.

Он медленно повернулся, и его взгляд упал на самый дальний угол конюшни.

Там, прикованный цепями, стоял чёрный как смоль дикий жеребцы. Он весь покрылся пеной от пота, а в его глазах горела дикая злоба — очевидно, его лишь недавно поймали и ещё до конца не умирили.

— Мне нужна эта, — Шэнь И указал на него с пугающе спокойным видом.

Лицо тренера вмиг изменилось:

— Молодой господин, эта лошадь ещё не до конца обездвижена, она...

— Приведите сюда. — Тон Шэнь И оставался неизменно холодным, в нём не было ни единого лишнего слова.

Тренеру ничего не оставалось, как приказать слугам вытащить чёрного коня на середину площадки.

Конь беспокойно бил копытами о землю, излучая сплошную настороженность и враждебность — он явно не желал подпускать к себе ни единую живую душу.

Шэнь И без тени страха подошёл к нему и протянул руку, намереваясь коснуться гривы.

Но в следующий миг конь внезапно взвился на дыбы и со всей силы лягнул его!

— Осторожно, молодой господин! — испуганно завопил тренер.

Однако Шэнь И даже не отшатнулся и глазом не моргнув. Он продолжал стоять на прежнем месте, позволив копыту пронестись в считанных сантиметрах от своего лица и едва не задев лоб.

Окружающие затаили дыхание от ужаса, а тренер побелел как полотно:

— Молодой господин, вы не можете...

Шэнь И наконец заговорил, и его голос звучал убийственно спокойно:

— Она меня не боится.

Тренер замер, а затем сообразил: удар коня секунду назад объяснялся вовсе не стремлением покалечить, а лишь инстинктивным отторжением.

Шэнь И слегка изогнул губы и холодно бросил:

— Будет бояться — станет подчиняться.

Произнеся это, он протянул руку, взял хлыст и без малейших колебаний опустил его на спину животного.

Хлёсткий удар! — раздалось в воздухе.

Хлыст со свистом рассеял тираду боли по телу коня. Жеребец дико заржал, высоко взкинув передние копыта и отчаянно забиваясь в путах, но Шэнь И неподвижно стоял на месте, раз за разом опуская хлыст без малейших сомнений и капли жалости.

— Молодой господин! — испуганно вырвалось у Чэн Му, чей голос дрожал от скрытой тревоги.

Шэнь И чуть повёл головой, бросив на него леденящий взгляд:

— Ты что-то хочешь сказать?

Чэн Му смотрел, как чёрного коня силой прижимают к земле, а его ноги мелко дрожат от всепоглощающего ужаса. Пальцы Чэн Му судорожно сжались, но в конце концов он промолчал.

Он знал, что Шэнь И не станет его слушать.

Тот всегда поступал исключительно так, как хотел сам.

Спустя добрый десяток минут жеребец окончательно стих, пластом распластавшись на земле и тяжело хрипя, а пот струями стекал по его гриве.

Шэнь И отпустил поводья, неторопливо приблизился и опустил ладонь на лоб коня.

Тот судорожно вздрогнул, но сопротивляться больше не стал.

На лице Шэнь И наконец промелькнуло довольство:

— Она усвоила урок.

Он обернулся к Чэн Му и непринуждённо бросил:

— Понял?

Чэн Му поднял на него глаза, на мгновение растерявшись:

— ...Чего?

Шэнь И взгляделся в его глаза, вымолвив мягко, но с железной, не допускающей возражений уверенностью:

— В этом мире можно подчинить абсолютно всё.

Будь то лошадь или человек.

В тот день Чэн Му впервые осознал смысл слов о правах хозяина.

С той поры его понимание собственного статуса стало ещё отчётливее: он — тень Шэнь И, его придаток, безвольная вещь.

И Шэнь И обращался с ним ровно в соответствии с этой логикой.

Когда Чэн Му совершал проступок, Шэнь И карал его без всякой жалости, точно так же, как непокорного жеребца;

Когда Чэн Му справлялся хорошо, Шэнь И изредка одаривал его скупой похвалой, конфеткой или небрежным неплохо. Шэнь И никогда по-настоящему не заботился о нём, но и избавляться от него не собирался.

Потому что —

Клан Шэнь не держит бесполезных вещей.

Раз уж ты живёшь, у тебя должна быть своя ценность.

Чэн Му накрепко запечатлел эти слова в памяти.

Шли годы. Чэн Му подрос, его тело окрепло, а движения стали быстрее и точнее.

Тренировки Шэнь И становились всё жёстче, а сам он давно привык к боли, побоям и равнодушию.

Однако однажды Шэнь И сказал ему нечто совсем иное. В тот день он сидел во дворе, глядя на него, и вдруг спросил:

— Знаешь, чем ты отличаешься от тех собак?

Чэн Му слегка опешил и пробормотал:

— ...Чем?

Уголки губ Шэнь И тронула холодная, рассеянная улыбка:

— Они хотя бы умеют кусаться.

Чэн Му замер на месте, долго не находя в себе сил вымолвить слово.

Внезапно до него дошло, до чего же послушным и безобидным его выдрессировали.

Но даже при этом у него не было никаких прав называться настоящим человеком.

Он оставался лишь тенью Шэнь И, псом, которого можно приказать или выбросить в любой момент.

— Но даже у пса бывает лишь один хозяин.

Чэн Му навеки принадлежал исключительно Шэнь И.

Мир Шэнь И был холоден.

Клан Шэнь держал в руках теневые структуры Наньчэня: на поверхности простиралась коммерческая империя, но на деле всё это являлось гигантской клеткой, где каждый вёл борьбу не на жизнь, а на смерть за власть, деньги и выживание. Будучи молодым главой клана, Шэнь И с малых лет был вынужден постигать искусство бессердечия, манипулирования людьми и хладнокровного устранения врагов.

А Чэн Му был той тенью, чьё имя неразрывно связывали с верностью.

Он рос бок о бок с Шэнь И: Шэнь И учился скакать верхом — он держал лошадь; Шэнь И учился стрелять — он стоял рядом с патронташем; Шэнь И отправлялся на татами отбатывать приёмы — он служил живой мишенью для его ударов.

Когда Шэнь И пребывал в скверном расположении духа, он устаивался незаслуженного холодного пренебрежения, брани или даже удара ногой; когда же тот был в ударе, то порой жаловал ему щедроты вроде конфеты, книги или брошенного мимоходом «ты неплох».

Чэн Му знал, что для господина это наивысшая степень проявления мягкости.

— Лишь бы оставаться рядом, пусть даже так...

Чэн Му понимал: он не друг Шэнь И и не член его семьи.

Он — товарищ для игр, тень, клинок, инструмент, которым можно пожертвовать в любой момент.

И тем не менее, Чэн Му добровольно шагал следом за Шэнь И в этот мрачный и холодный мир.

Когда Шэнь И исполнилось десять, на него совершили покушение.

В ту ночь Шэнь И должен был присутствовать на семейном приёме — официально для того, чтобы показаться в высшем свете, а на деле это была не прикрытая ничем проверка сил.

Банкетный зал сиял огнями, шёл непрекращающийся обмен тостами, мужчины в строгих чёрных костюмах с фальшивыми улыбками пили вино с главой клана Шэнь и вели светские беседы, в то время как смертельная угроза подстерегала за каждым углом.

Чэн Му тоже стоял в уголке, безмолвно наблюдая за происходящим.

Тогда ему было всего восемь, он был слишком мал и еще не вошёл в число официальных телохранителей Шэнь И, поэтому вынужден был держаться на самом краю зала, словно незначительный зевака.

Но когда вечер подходил к концу, грянула беда —

Один из официантов, подносивших напитки, внезапно выдернул из-под подноса кинжал и бросился напрямик на Шэнь И!

Реакция всех присутствующих замедлилась на долю секунды.

Всех, кроме Чэн Му.

Почти инстинктивно он сорвался с места!

Лезвие клинка рассекло воздух, целясь Шэнь И прямо в горло, но Чэн Му стремглав бросился на него и изо всех сил оттолкнул в сторону.

Острие не достигло горла Шэнь И, зато глубоко вошло в плечо Чэн Му!

Дикая боль волной прокатилась по телу, вслед за ней хлынула кровь.

— Бах!

Банкетный зал мгновенно погрузился в хаос: выстрелы и крики слились воедино, телохранители клана Шэнь окружили Шэнь И, а нападавшего пристрелили на месте.

В суматохе охранники поспешно увели Шэнь И подальше от опасности, труп убийцы уволокли, а лужи крови торопливо замыли, словно ничего и не произошло.

Чэн Му опустился на колени, из раны на плече не переставая сочилась кровь, левая рука почти не слушалась, но его взгляд по-прежнему настороженно шарил по сторонам, неотрывно выискивая фигуру Шэнь И.

Все были заняты устранением последствий, но вдруг Шэнь И сам подошёл к нему. Медленно присев на корточки, он уставился на него тёмным взглядом, в котором промелькнула незнакомая доселе сложность чувств.

— Зачем заслонил? — его голос прозвучал тихо, словно праздный вопрос.

Чэн Му тяжело дышал, стиснув зубы и ничего не отвечая.

Шэнь И протянул руку, кончиком пальца коснулся крови на его плече, слегка прищурился и безразлично бросил:

— Больно?

Чэн Му поднял голову, и хотя голос его звучал глухо, в нём слышалась железная стойкость:

— ...Нет.

Шэнь И пару секунд вглядывался в него, а затем вдруг усмехнулся, и от этой улыбки повеяло леденящим холодом:

— Вот как? Что ж, судя по всему, ты можешь потерять ещё немного крови.

В следующее мгновение он поднялся на ноги и зашагал процветая прочь, даже не отдав распоряжения заняться раной Чэн Му.

Словно взглянув на абсолютно посторонний кусок мусора, он шагнул в свой куда более важный мир.

В конце концов Чэн Му всё же перевязали раны, но вовсе не по приказу Шэнь И — о нём позаботился дворецкий.

— Молодой господин терпеть не может бесполезные вещи, — холодно бросил дворецкий, накладывая повязку. — Раз уж ты сумел один раз заслонить его собой, то впредь учись делать это чаще.

Чэн Му стиснул зубы, сдерживая разрывающую плечо боль, и не издал ни звука.

Он знал, что не имеет права проявлять хоть капли слабости.

Ибо его существование заключалось не в том, чтобы вымаливать хозяйскую жалость, а в том, чтобы стать клинком в руках хозяина — острым настолько, чтобы никогда не сломаться.

С того дня статус Чэн Му изменился окончательно.

Он перестал быть просто компаньоном для игр, превратившись в тень Шэнь И, в его личного телохранителя, привязанного к нему намертво.

<http://bllate.org/book/20551/2052969>